

АЗБУКА ВЕРЫ

Истина

Истина

- [Истина энциклопедия изречений Святых отцов и Учителей Церкви](#)
- [Истина и Дух свт. Игнатий \(Брянчанинов\)](#)
- [Путь разума в поисках истины проф. А.И. Осипов](#)
- [Христианство как истинная религия В.П. Лега](#)
- [«Познаете истину, и истина сделает вас свободными» \(Ин. 8:32\): размышления философа В.П. Лега](#)
- [О молитве, в которой открывается Бог-Истина архим. Софроний \(Сахаров\)](#)
- [Вопрос об истине свящ. Вячеслав Рубский](#)
- [Столп и утверждение истины свящ. П.А. Флоренский](#)
- [Свойства Церкви: ее пребывание в истине и святость еп. Александр \(Милеант\)](#)
- [Истина как акт безусловного сознания Евгений Трубецкой](#)
- [Истина Православия Н.А. Бердяев](#)
- [Истина и идолы. Ложь современного атеизма Ирина Силуянова](#)
- [Основная Истина Православия – Богочеловек преп. Иустин \(Попович\), Челийский](#)
- [Истина и наука проф. С.С. Глаголев](#)
- [Истина бытия Божия. Опыт уяснения основных христианских истин естественной человеческой мыслью еп. Михаил \(Грибановский\)](#)

Истина – 1) одно из [имен](#) Божьих; 2) то, что в полной мере соответствует действительности; 3) верное отображение действительности в человеческом [сознании](#).

Иисус сказал Ему: *Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня. (Ин. 14:6). Ибо закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа (Ин.1:17).*

Христос ответил на вопрос Пилата «Что есть истина?», только Пилат не захотел услышать и принять этот ответ (Ин. 18:36-38).

прот. Георгий Металлинос:

Говоря о Православии не надо повторять ошибку Пилата, когда тот спросил Христа «что есть истина?» Правильно «Кто есть истина?»... Потому что истина это не некая идея теория, система, но лицо Всесвятое Лицо Вочеловечевшегося Бога Слова, Иисуса Христа.

Святитель Николай Сербский:

Искать истину – значит искать предмет любви. Если ищешь Истину с любовью и ради любви, Она откроет тебе свет лица Своего настолько, насколько ты сможешь его вынести, не сгорев. В придачу Она принесет тебе все, но ты поймешь, что тебе не нужно ничего больше, кроме Ее сияющего и сладчайшего лика.

Христос – воплощённая Истина, Его Церковь – «столп и утверждение истины» (1Тим. 3:15), в Православии содержится полнота истины.

Истина и Откровение (Глава 2-я книги)

Н.А. Бердяев

«Я есмь путь, истина и жизнь». Что это значит? Это значит, что истина не носит интеллектуального и исключительно познавательного характера, что ее нужно понимать целостно, она экзистенциальна. Это значит также, что истина не дается человеку в готовом виде, как вещная, предметная реальность, что она приобретается путем и жизнью. Истина предполагает движение, устремленность в бесконечность. Истину нельзя понять догматически, катехизически. Истина динамична, а не статична. Истина есть полнота, которая не дается завершенной.

Фанатизм всегда происходит оттого, что часть принимают за целое, не хотят допустить движения к полноте. С этим связано и то, почему Иисус не ответил на вопрос Пилата: «Что есть Истина?». Он был Истиной, но Истиной, которая должна разгадываться на протяжении всей истории.

Истина совсем не есть соответствие в познании реальности, находящейся вне человека. Познание Истины не тождественно с объективностью. Познание истины не есть объективация, т. е. отчуждение и охлаждение. Истина первична, а не вторична, т. е. не есть соответствие чему-то другому. В последней глубине Истина есть Бог и Бог есть Истина. Это будет показываться на протяжении всей этой книги.

Истина не есть реальность и не есть соответствие реальности, а есть смысл реальности, есть верховное качество и ценность реальности. В человеке должно происходить духовное пробуждение к Истине, иначе она не достигается или достигается омертвевшей, окостеневшей.

Истина может судить Бога, но потому только, что Истина и есть Бог в чистоте и высоте, в отличие от Бога, приниженного и искаженного

человеческими понятиями.

Истина есть не объективная данность, а творческое завоевание. Это есть творческое открытие, а не отражающее познание объекта, бытия. Истина не стоит перед извне готовой реальностью. Она есть творческое преобразование реальности. Мир чисто интеллектуальный, мир чисто интеллектуального познания есть в сущности отвлеченный, в значительной степени фиктивный мир. Истина есть изменение, преобразование данной реальности. То, что называют фактом и чему приписывают особенную реальность, есть уже теория. Истина целостна даже тогда, когда она относится к части.

Совершенно неверно придавать Истине чисто теоретическое значение и видеть в ней как бы интеллектуальную покорность познающего данной ему извне реальности. Не может быть чисто интеллектуального отношения к Истине, оно неизбежно волевое, избирающее. Человек не находит Истины, заключенной в вещах. Открытие есть уже творческое созидание Истины.

Об отношении Ницше к Истине речь будет впереди. Но он был прав, когда говорил, что Истина есть творимая человеком ценность. Он только плохо это философски обосновывал и придавал этому ложный прагматический характер. Догматическое утверждение бездвижной, законченной Истины есть величайшее заблуждение. Это одинаково лежит в догматике католической и догматике марксистской Ницше совершенно отказался от так называемой «объективной» Истины, общеобязательной именно в силу своей объективности.

Истина субъективна, она индивидуальна и универсальна в своей индивидуальности, она по ту сторону этого противоположения, она субъективна, т. е. экзистенциальна, но еще вернее было бы сказать, что она по ту сторону противоположения субъективного и объективного. Общеобязательность Истины относится лишь к социализированной стороне Истины, к сообщению Истины другим. Истина есть качество, и потому она аристократична, как и всякое качество.

Совершенно неверно говорить, что Истиной является лишь то, что обязательно. Истина может открываться лишь одному и отрицаться всем остальным миром, она может быть пророческой, пророк же всегда одинок. И вместе с тем Истина существует совсем не специально для культурной элиты, это такая же ложь, как

демократическое понимание качества Истины. Все призваны к приобщению к Истине, она существует для всего мира. Но она открывается лишь при известных духовных, интеллектуальных и культурных условиях. Когда открывающая Истина социализируется и применяется к среднему человеку, к человеческой массе, она понижается в качестве, исчезает ее глубина во имя доступности всем. Это всегда происходило в исторических Церквях. Это и есть то, что я называю социоморфизмом в отношении к Богу. Истина о Духе и духовности предполагает известное духовное состояние, известный уровень духовности. Без этого условия эта Истина делается застывшей, статической, даже окостеневшей, как это часто мы и видим в религиозной жизни. Истина коммюнитарна[1], т.е. предполагает общение и братство людей. Но это общение и братство людей легко вырождается в принудительный, авторитарный коллективизм, когда Истина представляется идущей извне и сверху, от коллективного органа. Есть абсолютное различие между коммюнитарностью и коллективизмом. Коммюнитарность есть братское отношение к Истине человеческих личностей и предполагает их свободу. Коллективизм есть принудительная организация общения, признание коллектива особенной реальностью, стоящей над человеческой личностью и угнетающей ее своим авторитетом. Коммюнитарность есть осуществление полноты свободной жизни личностей. В жизни религиозной это и есть соборность[2], всегда предполагающая свободу. Коллективизм же есть перерождение и деформация человеческого сознания и совести, отчуждение сознания и совести, подчинение человека фиктивной, не подлинной реальности. Это очень важно для понимания роли Истины в человеческой жизни и в религиозной его жизни. Истина может открываться коммюнитарности, открываться любви, как думал Хомяков, но не может открываться коллективности. Критерий пользы для какого-либо коллектива есть скорее критерий лжи, чем Истины. Так искажалось откровение Истины.

На почве кантианства пытались признать Истину ценностью и долженствованием (школа Виндельбанда-Риккерта). В этом было что-то верное в противоположность предметно-реалистическому пониманию Истины. Истина есть не предметная, бытийственная реальность, отраженная в познающем и вошедшая в него, а

просветление, преображение реальности, внесение в мировую данность качества, которого в ней не было до познания Истины и откровения Истины. Истина есть не соотношение с тем, что называют бытием, а возгорание в бытии света. Я во тьме и ищу света, не знаю еще Истины и ищу Истину. Но этим я уже утверждаю существование Истины и света, но существование в ином смысле, чем существование мировых реальностей. Мое искание есть уже возгорающийся свет и приоткрываемая Истина. Это иногда выражают так, что Истина есть ценность, но на этой почве могла развиваться своеобразная схоластика*. Глубже и вернее сказать, что Истина духовна, она есть внедрение духа в мировую реальность, мировую данность. Отвлеченной интеллектуальной Истины не существует, она целостна и дается также усилием воли и чувства. Воображение и страсть могут быть источником познания Истины. Когда Истину делают интеллектуальной и рациональной, она объективируется, притягивается к состоянию мира и человека и свет ослабляется в ней. Свет и огонь остаются для нас великими символами, как то было у великого визионера Я. Беме. Объективация есть прежде всего ослабление света и охлаждение огня. Но объективированный мир должен в конце концов сгореть в огне, должна расплавиться его затверделость. Первожизнь, первореальность, которая должна быть уловлена философским познанием истины, находится до разделения на субъект и объект и исчезает в объективации. Истина, целостная Истина с большой буквы, есть Дух и Бог. Частные истины, с маленькой буквы, разрабатываемые специальными, дифференцированными науками, относятся к объективированному миру. Но самый процесс познания этого мира возможен только потому, что в познающем есть неосознанное отношение к этой единой Истине. Без этого человек был бы раздавлен запутанной множественностью мира, его дурной бесконечностью и не мог бы над ней возвыситься в познании. Это не значит, что возможно лишь познание общего и универсального и невозможно познание индивидуального. Это специальный вопрос теории познания, не имеющий прямого отношения к моей теме об Истине и откровении. Истина есть Бог, божественный свет, и вместе с тем истина человечесна. Это есть основная тема бого-человечности. Познание бого-человечно. Познание Истины зависит от ступеней сознания, от

расширенности или суженности сознания. Нет средненормального трансцендентального сознания, или оно есть, но носит социологический, а не метафизический характер. Но за разными ступенями сознания стоит трансцендентальный человек. Можно было бы сказать, что трансцендентальному человеку соответствует сверхсознание^{**}. Истина по-разному раскрывается в зависимости от ступеней сознания, ступени же сознания очень зависят от влияния социальной среды и социальных группировок. Нет общеобязательной интеллектуальной истины. Она существует только в физико-математических науках, но менее всего существует в науках о Духе. Истина человечна и может рождаться лишь в человеческом усилии, усилии всего человеческого существа. Но Истина также божественна, бого-человечна. И в этом вся сложность проблемы. В этом вся сложность и проблемы откровения, которое всегда хочет быть откровением высшей Истины. Зависимость раскрытия Истины от ступеней сознания ведет к тому, что не существует общеобязательной интеллектуальной Истины. Интеллект слишком находится в услужении воли. Познание Истины покоится не на объективном, универсальном разуме, не на трансцендентальном сознании, а на трансцендентальном человеке. Именно эта связь с трансцендентальным человеком, который не сразу и не легко раскрывается, который себя то раскрывает, то прикрывает, и делает познание Истины бого-человеческим по принципу, хотя и не по фактическому осуществлению. Целостная, нечастичная Истина есть откровение высшего, т. е. необъективированного, мира. Она не может раскрываться отвлеченному разуму, она не только интеллектуальна. Познание Истины предполагает просветленную человечность.

§

XX век переживает кризис идеи Истины. Этот кризис обнаружился уже у мыслителей второй половины XIX века, но в наш век обнаружены его результаты. Течения прагматизма в философии и наука выставляют критерий Истины, который подвергает сомнению самое существование Истины, заменяя ее пользой, приспособлением к условиям жизни, плодотворностью для возрастания силы жизни. Самый прагматизм, который сейчас почти потерял значение, не

отличался радикализмом мысли и не имел революционных последствий, которые имели другие течения. В прагматизме есть и что-то несомненно верное, поскольку он видит связь познания с жизнью и функцию жизни. Именно поэтому Дильтей является не прагматистом, а предшественником экзистенциальной философии. Прагматизм признает человечность познания в противоположность отвлеченному интеллектуалистическому идеализму, совершенно отделяющему познание от человека. Прагматизм хочет признавать Истиной то, что полезно и плодотворно для человека и способствует возрастанию силы его жизни. Но он не замечает, что в сущности предполагает старый критерий истины как соответствие реальности. Полезно и плодотворно оказывается то, что соответствует реальности, несоответствие же реальности для жизни вредно и бесплодно. Как будто бы защищается творческий характер познания, но в действительности этого творческого характера нет, как не было и в старом идеализме. Прагматизм очень оптимистичен и не видит трагической судьбы Истины в мире. И тут главная ошибка и ложь этого направления мысли. В действительности существует прагматизм лжи, ложь бывает очень полезна для организации жизни, и эта ложь играет огромную роль в истории. Социально полезной ложью очень дорожили руководители человеческих обществ, для этого создавались мифы, консервативные и революционные, религиозные, национальные и социальные, и они выдавались за Истину, иногда даже научно обоснованную Истину. Сторонники прагматизма очень легко принимают за Истину полезную ложь. Иллюзии сознания играют очень реальную роль в жизни человеческих обществ, они часто являются очень массивными реальностями. Человеческие волнения и эмоции, когда они принимают коллективный характер, создают реальности, тиранически давящие на человеческую жизнь. Освобождение от этого тиранического давления прагматически полезной лжи всегда означает возгорание в человеке иной, высшей Истины, которая может быть совсем не полезной. Человек призван освободиться от неисчислимого количества религиозных и социальных иллюзий, реакционных и прогрессивных. Даже в научном знании существуют полезные иллюзии, которые потом преодолеваются. Существует вечный трагический конфликт между Истиной и пользой, выгодой.

Очищенная, т. е. творчески добывшая надмирный свет Истина может быть не только не полезной, но даже опасной для устраивающегося мира. Желание чистой, ничем не прикрашенной, хотя бы печальной Истины есть стремление к божественному. Чистая, неискаженная и ни к чему не приспособленная Истина христианства могла бы оказаться очень опасной для существования мира, для земных обществ и цивилизаций, она могла бы быть пожирающим огнем, сведенным с неба. Но эта открывающаяся сверху Истина была прагматически приспособлена к интересам организуемых обществ и церквей. Прагматически полезная Истина, плодотворная для возрастания силы в этом мире, всегда связана со страхом ослабления и гибели, с угрозой со стороны господствующих в мире сил. Проблема отношения Истины и страха - очень важная проблема. Добывание Истины предполагает бесстрашие, победу над страхом, который унижает и подавляет человека. Мир объят страхом, напоминающим *terror antiquus*[3]. Прагматизм по самому принципу своему не побеждает страха перед силами мира, он должен допустить лишь Истину, подчиненную смертоносному потоку времени, он не может допустить вечной Истины. Но Истина есть голос вечности во времени, есть луч света в этом мире. Истина выше мира, она судит мир, она судит и откровение, поскольку оно приспособлено к миру. Нет религии выше Истины. Это было вульгаризовано теософией. Но религиозное откровение должно быть откровением Истины, надмирным светом, просветляющим тьму мира, надмирной свободой, освобождающей от рабства мира. Для мира Истина есть не польза, а верховная ценность, которую нельзя понимать лишь идеалистически. Прагматизм остается частично верным для позитивных наук, для истин, а не для Истины, но и в этой области это не вполне и не окончательно верно. Наука делает открытия, которые могут быть не полезны, а губительны для мира, напр<имер> опыты разложения атома, что в сущности означает разложение космоса, в прочность которого слишком верили. Но более глубокий и радикальный кризис истины мы видим не в прагматизме, а в марксизме и ницшеанстве.

Очень глубокое потрясение старой идеи Истины мы находим у Маркса. Он усомнился в идее универсальной, общеобязательной истины, и с этим связано [у него] раздирающее логическое противоречие. При этом марксизм считает себя рационалистической

доктриной. Неверно сказать, что Маркс в чем-то усомнился, ибо он ни в чем не сомневался. Он объявляет страстную борьбу старому пониманию теоретической, интеллектуальной Истины, которая в прошлом объединяла очень большую часть мыслящих людей, для которых познание было отделено от жизни. То, что люди почитали за Истину, было лишь отражением социальной действительности и происходившей в ней борьбы. Всякая идеология есть лишь надстройка над экономикой, которая есть первичная реальность. Маркс хочет обличить иллюзии сознания, порожденные обществом, в котором происходит классовая эксплуатация и классовая борьба, иллюзии религиозные, философские, моральные, эстетические и пр. Он часто очень справедливо обличал классовую ложь, классовое искажение Истины, но, к сожалению, он отождествлял Истину с человеческими условиями восприятия Истины, которые социально детерминированы.

Поэтому Истина превратилась у него в орудие социальной классовой борьбы, высшая для него Истина превратилась в орудие борьбы за социальную революцию. Не только ложь была классовой, что, может быть, совершенно верно, но и Истина была классовой. У пролетариата другая Истина, чем у буржуазии. Не может быть универсальной Истины, объединяющей человечество, как не может быть и универсальной морали. Это было своеобразной формой прагматизма, хотя материализм Маркса, очень спорный и противоречивый, требовал реализма в смысле соответствия Истины познания с реальной действительностью. Этот реализм был особенно наивным у Ленина. Но Истиной все-таки оказывалось то, что полезно и плодотворно для революционной борьбы пролетариата. Истина познается в praxis[4], только в практическом действии обнаруживается реальность. Истина должна способствовать победе социализма, только такая истина признается и ценится, так же как только такая свобода признается и ценится. Маркс был учеником Гегеля, он вышел из германского идеализма и глубоко усвоил себе гегелевскую диалектику, перевернув ее. Гегелевская диалектика помогла ему понять Истину релятивистически, подчинив ее текучести исторического процесса. Диалектическое понимание Истины означает превращение ее в орудие исторической борьбы за силу и власть. Поклонение исторической силе Маркс получил от

Гегеля. И марксисты, которые часто вульгаризируют Маркса, злоупотребляют диалектикой для оправдания какой угодно полезной лжи. Вульгаризация была в том, что сам Маркс не был утилитаристом и с презрением говорил о нем как о мелкобуржуазной идеологии. Но доктрина марксизма заключала в себе опасность каких угодно полезных для данного момента выводов, опасность грубой апологии силы. Человеческое общение на почве Истины для марксистов стало почти невозможно, невозможен стал самый спор, ибо мнение всякого критикующего марксизм рассматривается как идеологическая хитрость классового врага. О надмирной Истине, возвышающейся над борьбой интересов, не могло быть и речи. Но марксизм в своем понимании Истины раздирается логическим противоречием, которое ввиду крайнего догматизма марксистов не замечается. Если истина, как всякая идеология, есть лишь надстройка над экономикой и отражение социальной борьбы данного исторического момента, то во что превращается Истина, на которую претендует самый марксизм? Есть ли марксистская истина лишь отражение и выражение борьбы пролетариата с капиталистическим строем и буржуазией, лишь полезное орудие борьбы, или она есть наконец открытие сущей Истины, которая может претендовать на универсальное значение? В первом случае марксистская истина не может претендовать на большую истинность, чем все остальные истины, утверждающиеся в истории, она лишь полезна и плодотворна в борьбе за возрастание силы, и за победу рабочего класса, и за осуществление социалистического строя. Почти религиозные притязания, которые имеет марксистская доктрина, мессианские надежды, которые обосновываются этой тоталитарной, интегральной доктриной, падают. Марксисты не согласятся на то, чтобы их учение ввели в ряд других учений. Но во втором случае, если допустить, что наконец в середине XIX века совершилось чудо и была открыта Марксом сущая Истина, настоящая Истина, имеющая универсальное и даже абсолютное значение, не отражение только экономики своего времени, не полезное только орудие борьбы, а истина, открывающая тайну исторического процесса, то падает само открытие. Значит, возможно открытие Истины, которое не зависит от экономики и полезности в классовой борьбе, которая возвышается над исторической действительностью. Марксисты, тоталитарные, а не

частичные марксисты, принуждены склоняться то к одному, то к другому решению, не возвышаясь над противоречием. Во всяком случае, марксизм хочет подчинить истину релятивизму исторического процесса и этим обнаруживает кризис идеи Истины, характерной для целой эпохи. Марксизм считает, что бытие определяет сознание и на этой почве дает неверную классификацию философских направлений на идеалистическое и материалистическое, при которой Фому Аквината нужно признать материалистом. Но предполагается, что единственное бытие есть бытие материальное, в жизни историческо-экономическое бытие. Этим догматическим предположением все оказывается искаженным. Марксизм отрицает и универсальность Истины, и ее индивидуальность, универсальное и индивидуальное тонет в коллективном.

Маркс всегда мыслил об обществе и о человеке в обществе и для общества, он обращен был к народным массам, от которых ждал бурных революционных движений. Во всем противоположен ему Ницше, аристократический мыслитель, обращенный лишь к отдельным людям высокого уровня. У него мы находим кризис идеи Истины еще более глубокий, чем у Маркса. Но и у него было поражающее противоречие. Философия Ницше была философией ценностей, в отличие от Маркса, у которого была философия благ и философское понятие ценности отсутствует. Философия ценностей есть философия качества, марксистская же философия есть философия количества. Ницше, хотя и хотел заменить человека сверхчеловеком, верит в то, что человек может творить ценности и призывает к творчеству новых ценностей. Истина в познании была для него творимой ценностью, а не отражением реальности. Истина есть ценность, творимая волей к могуществу, она нужна для реализации этой воли к могуществу. Человек через творимую Истину поднимается выше. Ницше всегда был устремлен к высоте. Но, превращая Истину в орудие воли к могуществу, он в сущности впадает в прагматизм и рассматривает Истину как полезную для процесса жизни, хотя он ненавидел идею пользы, справедливо считая ее самой антиаристократической, плебейской идеей. Аристократична как раз надмирная Истина, которую нельзя превратить в пользу для процессов жизни, для воли к могуществу Ницше влиял в направлении

отрицания надмирной Истины Его критерий остается биологическим. Но философия его не столько биологическая, сколько космическая. Он поклоняется богу Космоса - Дионису. Для ницшеанства, которое было очень вульгаризовано, также нет универсальной, общеобязательной Истины, как и для марксизма. Для человека, возвышающегося над остальным человечеством, истина совсем иная, чем для остального человечества, как и мораль иная. Такой возвышающийся человек также руководится пользой в осуществлении своего могущества, как и человек масс, осуществляющий новое общество. В обоих случаях истина измеряется пользой и плодотворностью для жизни в этом объективированном мире. Общность, коммюнитарность людей в Истине невозможна, ибо Истины нет, она была остатком старых верований, в конце концов верований в Бога. Ибо Истина есть Бог. И Маркс, и Ницше обозначили кризис Истины. Пошатнулись ее вековые основы. Но что же должно быть удержано от Маркса и от Ницше? От Маркса должно быть удержано социологическое понимание условий восприятия Истины, зависимость от социальных условий степени раскрытости человека к принятию или отвержению Истины и, следовательно, возможность лжи и иллюзий. От Ницше должно быть удержано понимание Истины как творческой ценности, как творчества, а не пассивного отражения. Ницше имеет особенное значение для построения нового учения о человеке. Маркс имеет значение исключительно для учения об обществе, но учение его понимает человека исключительно как продукт общества. Ницше имеет огромное значение для динамического понимания Истины в противоположность старому статическому пониманию. Это верно, что Истина есть творческая ценность, она добывается творчеством человека. Истина не есть падающая на человека предметная реальность. Истина есть просветление мира. Этот свет, идущий от Истины должен быть распространен на все более и более просветленное понимание Истины, которое всегда подвергается опасности затвердения, окостенения и омертвения. Это не есть свет отвлеченного разума, это есть свет Духа. Совершенно отстранены должны быть критерии пользы и выгоды. Но также отстранен должен быть критерий абсолютизированного разума, претендующего на познание Истины. Против диктатуры разума восставали в разных

формах. Ж. де Местр готов был признать критерием Истины абсурд. Кирхегардт готов был видеть его в отчаянии. Достоевский связывал познание Истины со страданием. Античное греческое определение человека как существа разумного отвергнуто. Человека начали определять и понимать из *bas fonds*[5]. Такому пониманию очень способствовал Фрейд и психоанализ, открытие бессознательного. На этом понимании человека исключительно снизу стоит философия типа Гейдеггера и Сартра. Но как такое низкое существо может претендовать на познание Истины, т. е. на возвышение над низменностью человека и мира? Откуда свет? Истина никому и ничему не служит, ей служат. Свет Истины есть обнаружение высшего начала в человеке.

§

Истина не только может, но и должна судить об историческом откровении. «Историческое откровение обладает ценностью лишь в том случае, если оно есть откровение Истины, встреча с Истиной, т. е. откровение Духа. То в историческом откровении, что не от Истины и Духа, имеет относительное и преходящее значение, и от него в конце концов откровение должно очищаться и освобождаться. Познание Истины/не есть познание отчужденного и противостоящего объекта, но есть приобщение к ней, начинающаяся жизнь в Истине***. Истина не может быть только делом познания, она есть также дело жизни, она неотделима от полноты жизни. И это нужно понимать совсем не так, что Истина должна быть слугой жизни. Истина есть смысл жизни, и жизнь должна служить своему смыслу. Но это служение не есть подчинение авторитету, стоящему над жизнью, а есть раскрытие внутреннего света жизни. Авторитет есть всегда продукт отчуждающей объективации. И то в откровении, что от авторитета, порождено объективацией, имеет лишь экзотерическое и социальное значение и подлежит преодолению в Духе и Истине. Скажут общую фразу, где же критерий Истины, который может быть судьей, не является ли этот критерий субъективным и произвольным? Это обычный аргумент людей, сознание которых совершенно принижено идеей внешнего авторитета, который почему-то представляется объективным,

твердым и надежным критерием. Но почему? Почему, если внешний, исторически образовавшийся авторитет говорит, что то-то есть Истина, то это убедительно и надежно? Ведь авторитет всегда ниже того, к чему он относится. Так утверждают материальные и юридические признаки Истины, которая имеет духовную природу. В конце концов мы должны признать, что для Истины и Духа нет никаких критериев, вне их лежащих и всегда ниже их стоящих, взятых из объективированного мира, в котором Истина и Дух умалены. Искание критерия Истины вводит нас в порочный круг, из которого выхода нет. Объективный, авторитарный критерий религиозной Истины предполагает субъективную веру в него, но субъективную веру, которая исторически приняла коллективный, социализированный характер. Мы неизбежно из одной субъективности возвращаемся к другой субъективности. Субъективность совсем не означает непременно произвола и не связана с тем, что любят называть «индивидуализмом». Субъективность может быть коммюнитарна, внутренне коммюнитарна. То, что Хомяков называет «соборностью» и что с трудом может быть рационально выражено, не есть «объективная», коллективная реальность, она есть внутренняя качественность. Когда я нахожусь в экзистенциальной субъективности, я совсем не нахожусь в состоянии изоляции, совсем не «индивидуалист». Я скорее делаюсь «индивидуалистом», когда меня ввергают в объективность и объективированность, именно тогда я и делаюсь свирепым «индивидуалистом». Индивидуализм, изоляция есть одно из порождений объективации. На вопрос людей, целиком погруженных в объективацию и, следовательно, в авторитарность, где же твердый критерий Истины, я отказываюсь отвечать. С этой точки зрения Истина всегда сомнительна, нетверда, проблематична. Принятие Истины всегда есть риск, гарантий нет и не должно быть. Этот риск есть в каждом акте веры, которая есть обличение вещей невидимых. Только принятие видимых вещей, принятие так называемого объективного мира не рискованно. Дух всегда предполагает риск с точки зрения насилующего нас объективного мира. Отсутствие риска, которое хотят утвердить для христианской веры, принявшее формы организованной ортодоксии, носит социологический, а не духовный характер и определяется волей к

водительству человеческими душами. Это особенно ясно в католической концепции, наиболее социально организованной. Нельзя признать Истиной то, что всегда и всеми признавалось. Это критерий количественный и числовой. Это есть царство Das Man[6]. Традиция имеет огромное значение в религиозной жизни, и невозможно отрицать ее значение. Она означает расширение индивидуального опыта и внутреннее приобщение к творческому духовному процессу в прошлом. Но традиция не есть количественный принцип и не есть внешний авторитет. Верность ей требует продолжения творческого процесса. Познание Истины достигается совокупностью духовных сил человека, а не интеллектуальных лишь. И это определяется тем, что Истина духовна и есть жизнь в Духе. Ошибка, ложь в своем источнике носит не интеллектуальный, не теоретический характер, она связана с ложной направленностью духа и актом волевым. Открытие Истины есть свободный волевой, а не только интеллектуальный акт, есть поворот всего человеческого существа к творческой ценности. Критерий лежит в самом акте Духа. Нет критерия Истины вне свидетельства самой Истины, и ложно искание абсолютных гарантий, которое всегда принижает Истину. Таково сознание человека на грани двух миров.

Существуют ступени познания Истины: познание научное, философское, религиозное или мистический, гнозис. Обычно противопоставляют знание и веру. Но противопоставление это относительно. Если религиозная философия или мистический гнозис предполагают веру, то в другой степени предполагают веру и познание чисто философское и даже научное в смысле так называемых точных наук. Резкое разделение веры и знания есть разделение схоластическое и условное. И вера, и знание связаны с духовным человеческим актом. И вера, и знание означают прорыв к свету через этот объективированный мир, в котором тьма преобладает над светом, необходимость над свободой. И в вере, и в знании действует трансцендентальный человек, ибо человек эмпирический подавлен миром, его бесконечной множественностью и тьмой. Истину всегда познает трансцендентальный человек, только он обладает творческой силой, которая нужна и для того, чтобы познавать насилующий человека мир феноменов, мир объективированный. Человек должен его познавать, чтобы

ориентироваться в нем и защищаться от угроз, идущих от него. Но самое признание подлежащего познанию материального мира предполагает элементарный акт веры, потому что и самый объективный мир не есть мир вполне видимый и с легкостью входящий в нас. Наука многое принимает на веру, не сознавая этого. Таково прежде всего принятие самого существования материи, которое очень проблематично. Наивно думать, что объективное существование материи может быть научно доказано. Это могут думать лишь научные специалисты, философски совершенно наивные. Напр<имер>, материализм, о котором философски серьезно не стоит даже разговаривать, весь основан на вере и легко превращается в религию самую фанатическую, как то мы видим в марксизме. Именно критическая философия должна признать элемент веры в научном познании, который играет то положительную, то отрицательную роль. Решительное «нет» в такой же мере есть вера, как и решительное «да». И всякое отрицание предполагает утверждение, небытие предполагает бытие, бессмыслица предполагает смысл, тьма предполагает свет, и наоборот. Так, напр<имер>, самое решительное отрицание смысла мира предполагает существование смысла. Это имеет не логический, а прежде всего экзистенциальный смысл. Человек по природе своей есть существо верующее, и он остается верующим и тогда, когда впадает в скептицизм и нигилизм. Человек может верить в ничто, в небытие, и сейчас это есть самая распространенная вера. Философия, которая не предполагала бы элементов веры, никогда не существовала, тут вопрос только в степени и в сознательности. Материалистическая философия наиболее наивно верующая... Религиозная философия наиболее сознательно верующая. Отрицательная философия не менее догматична, чем положительная. С другой стороны, самая элементарная, самая непросветленная вера заключает в себе элемент познания, без которого наивно верующий не мог бы ничего утверждать. Обскурантская вера есть просто отказ от мышления на эту тему. Всякий верующий должен признать истинной свою веру. Но признание чего-либо Истиной есть уже знание. Когда я произношу слова молитвы, я предполагаю элемент познания, без которого слова эти лишены смысла. Когда я признаю свою веру безумной, а в известном смысле вера безумна, я утверждаю

Истину и в том случае, когда ничего не хочу слышать об Истине. Совсем не так важно, что человек утверждает или отрицает в своем сознании, часто очень затемненном и поверхностном. Когда атеист в сознании своем страстно отрицает Бога, он в конце концов утверждает существование Бога. Можно даже сказать, что атеизм есть форма богопознания, диалектический момент богопознания. Атеизм есть одна из форм веры. Резкое противоположение веры и знания принадлежит объективированному миру и выработалось в отношении к нему. Но это противоположение исчезает, когда вы обращены к духовному опыту и к подлинному существованию, преодолевающему разделение на субъект и объект. Объективное познание, объективная истина – условные выражения, имеющие вторичное значение. Объективное научное познание имеет огромное значение для человека в его отношении к миру, но оно имеет дело с вторичным, а не первичным, и философская критика дает ему смысл, который может ускользать от специалистов-ученых. Ученые, имеющие дело с частичным составом так называемого объективного мира, открывают истины, а не Истину. Но эти частичные истины не могут противоречить целостной Истине, как не могут ее и обосновывать. Человек в познании по ступеням восходит снизу вверх и нисходит сверху вниз. Это два неизбежных движения, без которых человек не может ориентироваться в мире. Во имя Истины человек должен был бы жертвовать всем. Но Истина бывает горька для человека, и он часто предпочитает возвышающий его обман. Иногда обманом бывает и то, что человек из гордого чувства отвергает всякое утешение от Истины и признает безнадежность высшей Истиной. Иногда современный человек должен смириться и перед Истиной, которая может дать ему надежду и радость. Тут человек очень хитрит. Его более радует, более утешает отрицание Истины и безнадежность. Таков, особенно, современный человек. Это лежит в основе *amor fati*^[7] Ницше. Но цель жизни есть жизненное, цельное познание Истины и приобщение к Истине, жизнь в ней. Истина есть просветление и преображение жизни и мира. Просветляющий Логос действует в индивидуальной форме и во всяком познании Истины, распадающейся на частные истины в познании научном. Истина есть Бог. Это отличается от обычного понимания Истины как суждения, соответствующего

действительности. Но это есть умаленная Истина, ориентирующая в действительности, Истина приспособления, а не просветления, отражения, а не изменения. Логически истина заключена в суждении. Но она есть также суд над миром, над его неправдой. И тогда она возвышается и над миром, и над всяким суждением о реальности мира, она надмирна. Она есть Бог, раскрывающийся в познании и мысли, когда она духовна.

[1] *Коммюнитарный* - от франц. *commune* - община, коммуна. — Прим. ред.

[2] *Соборность* (кафоличность, цельность, внутренняя полнота) - понятие, введенное А. С. Хомяковым, трактовавшееся им как общий метафизический принцип устройства бытия, а именно как свободное единство основ Церкви в деле совместного понимания ими правды и совместного отыскания ими пути к спасению, единство, основанное на единоклюшной любви к Христу и божественной праведности. Концепция соборности развита в русской религиозной мысли (Вл. Соловьев, Е. Н. Трубецкой, о. П. А. Флоренский, Л. П. Карсавин, С. Л. Франк). См. исследование Бердяевым жизни и творчества Хомякова, а также первоисточков идеи соборности (*Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков*. М.: Путь, 1912). Бердяев в ряде случаев отождествляет соборность с коммюнитарностью. — Прим. ред.

[3] *Terror antiquus* (лат.) - древний страх. — Прим. ред.

[4] *Praxis* (греч.) - дело, занятие, польза; здесь: практическая деятельность. — Прим. ред.

[5] *Bas fonds* (франц.) - низменная сущность. — Прим. ред.

[6] *Man* (нем.) - неопределенно-логическое местоимение; *Das Man* - термин, введенный М. Хайдеггером - мир безликого, неистинного существования. — Прим. ред.

[7] *Amor jati* (лат.) - любовь к року; у Ф. Ницше - радостное принятие судьбы сверхчеловеком. — Прим. ред.

* *Polin* в своей книге о творчестве ценностей отрицает, что ценность имеет отношение к Истине. Ценность для него не связана с

реальностью. Истина же связана.

** Об этом я говорю в своей книге «О назначении человека».

*** Это хорошо понял Фр. Баадер.

Библиотека «Вехи»